

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И ДЕМОГРАФИЯ

В городе, особенно столичном, – в самом его центре находится то, к чему стремятся все, ну почти все. Градостроительство в архитектурном дизайне – камне, металле и стекле, призвано сделать цель этого всеобщего стремления очевидной. И эта цель, как не трудно догадаться, – власть. Власть над тем, что окружает центр города, над его окрестностями и далее до самой периферии территории, а то и священной границы всей страны. Так что власть это не то, что валяется где попало, власть имеет свое законное место – центр города. А потому, чтобы никому было неповадно изменить местонахождение власти его надо сделать недоступным или неприступным – огородить, т.е. построить город. В самой планировке города проявляется централизованный характер власти – концентрация господства и могущества. Там – в центре лабиринта из городских стен, укрывается власть, стремящаяся обезопасив себя, властвовать – диктовать свою волю всему, что подвластно – что окружает городской центр. Очевидно, для обретения власти требуется свое местонахождение приближать к местонахождению власти – к центру города, что, понятно, труднодостижимо – не всем же дана власть, а только избранным. Поэтому архитектура городов это демонстрация властью своей избранности – исключительности. Издревле величие власти проявлялось в грандиозности градостроительных сооружений. Но ведь если город возводится для укрытия, то и для проживания укрывающихся, причем для улучшения условий этого самого проживания. Тем самым, градостроительство призвано обеспечивать как концентрацию власти, так и концентрацию условий проживания. Таким образом, получается, что стремление к власти это стремление к лучшим условиям проживания – лучшей жизни.

Казалось бы, из вышеизложенного очевидна связь власти и улучшения жизни, даже так – власть как средство улучшения жизни. Разве не власть пытается обосновать все свои действия не иначе как заботой об улучшении жизни? Однако непременно требуется еще понять то, что же это такое улучшение жизни или как понять, что жить стало лучше? А «лучше» – это кому как по вкусу? Но ведь в основе власти, как уже говорилось, находится централизация, а потому единоначалие – подчинение самому властному – находящемуся в центре начальнику – вкусу этого начальника. Так что для понимания улучшения жизни требуется что-то получше, чем чей-то вкус. Надо напомнить, что уже довольно давно ответ на вопрос об улучшении жизни получают от самой жизни так. Живые существа помещаются в какие-либо условия для наблюдения за тем, как они будут в этих условиях жить. И ответом на вопрос о том лучшие эти условия или нет, является то, как активно живые существа рожают и выращивают потомство. Тогда очевидно, что условия жизни лучше там, где легче родить и вырастить потомство. Таким образом, улучшению жизни отвечает стремление к рождению и выращиванию детей, а не чей-то, хоть и начальственный, вкус. Вот тут-то власть со всем своим градостроительством оказывается в тупике демографической проблемы. А именно: везде где власть достигла наибольшего величия, что очевидно из градостроительства, утрачено стремление рождать и выращивать детей! Так в самых градостроительных странах – с самой могущественной властью – как принято говорить, развитой демократией, это особенно усугублено. Иначе говоря, демографическая проблема это тупик вымирания, в который попадает всякая власть достигающая своей развитости.

Однако как же это власть попадает в тупик вымирания, если по самому предназначению ей полагается быть не тупой – заводящей в тупик, но мудрой – выводящей из тупика? Разве не в мудрости власти заключается ее избранность? Разве не власть является образцом, ведущим за собой подвластных? И разве последние доверили свою жизнь власти не потому, что признали тем самым превосходство ее – власти разума? Да и сама эта властная централизация, что же это как не стремление собрать вместе всех самых способных именно в продумывании своих действий? Ну и кому же, как не власти выводить из тупика

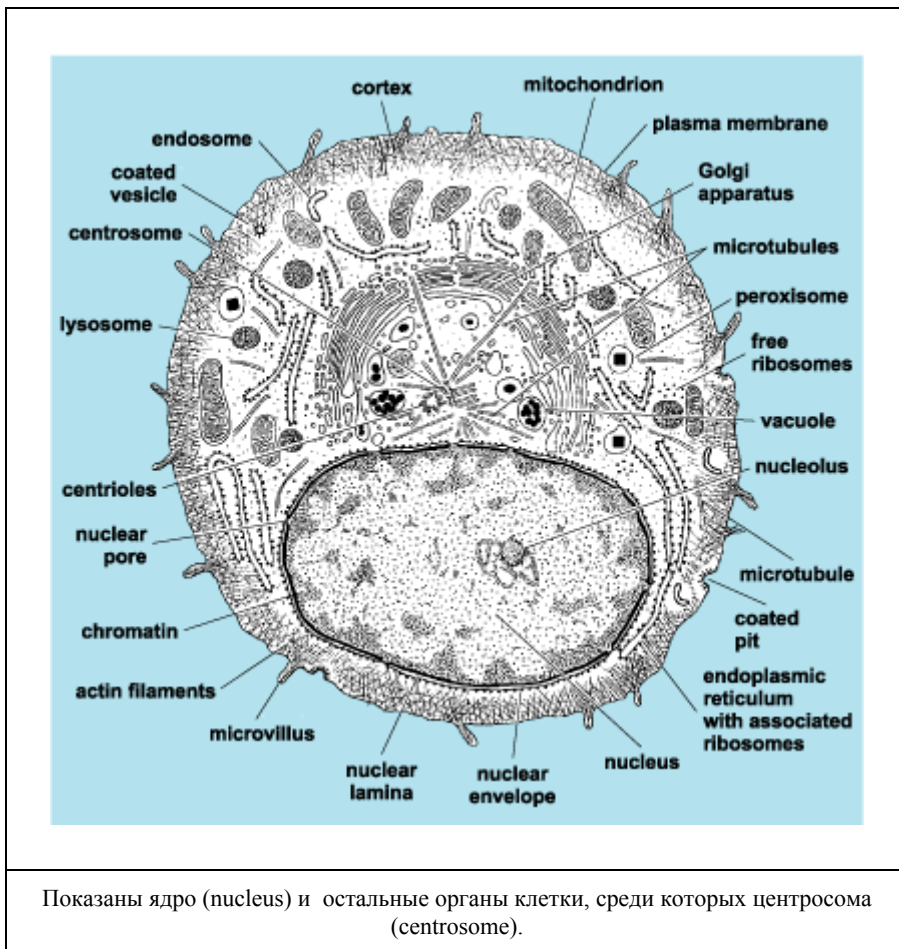
вымирания – от кого все ждут решения демографической проблемы? На самом деле такие вопросы только повод для сомнений в том, что власти удастся справиться с демографической проблемой и вот почему. Прежде всего, требует внимание то, что предлагает сама власть для выхода из тупика вымирания – еще большее градостроительство для улучшения условий проживания. Есть ли в этом хоть что-нибудь новое? Разве ранее – когда детей рожалось больше, власть не стремилась к градостроительству? И вот это самое что называется историческое развитие – приход демократии, потому что «лучшего не придумать», а если так, то всякая власть неминуемо приходит к демократии и соответственно демографической проблеме. Иначе говоря, все там будут! А еще вот что – разве сама власть – властители-начальники сами же себе не обеспечивают условия проживания? Неужели у властителей есть проблемы с условиями проживания – чего им не хватает? И как же тогда у властителей с детьми? Что лучше и не спрашивать? Тогда как власть добьется от подвластных того, на что сама неспособна при самых лучших условиях? Понятно, что и попытка власти через миграцию так сказать переложить демографическую проблему на других, так же обречена. Дескать, пусть рожают и выращивают детей там, где власть еще не достаточно демократична, ну а потом мы их переманим в свои грандиозные города – мегаполисы. Это только усугубление демографической проблемы – когда она с повсеместной победой демократии станет планетарной.

Как же так получается, что власть и подвластные с улучшением условий своего проживания путем градостроительства утрачивают стремление рожать и выращивать детей, тогда как все неподвластные живые существа из называемой дикой природы, напротив, при улучшении условий жизни стремятся завести потомство? Иначе говоря, как живым существам удастся избежать неизбежной для власти демографической проблемы? Для ответа на эти основополагающие вопросы требуется через наблюдение понять то, как живые существа, улучшая свою жизнь, укрывают себя и в чем принципиальное отличие их укрытий от городов. Например, почему часто сравниваемый с городом муравейник неуязвим для демографической проблемы? Однако начать такое рассмотрение лучше не с муравейника, а с того с чего и начинается всякая жизнь – с клетки. И тут трудно не заметить, что жизнь – «жизнестроительство» это рождение только и только клеток и ничего другого. Вот и власть приходит только и только к демократии – к свободным выборам, тут у власти нет никакого выбора! Иначе говоря, рассматривая клетку и власть, требуется понять то, что не может быть другим, но может быть применимо ко всему – является универсальным. При этом очевидно – если в понимании клеточной универсальности нет никаких сомнений, то демократия требует не понимания, а доверия – надо верить, что наибольшее число голосов это и есть универсальное решение любой проблемы. И разве можно найти лучший вызов демократии, чем демографическая проблема?

На снимке слева центр Рима – Вечного Города – древнего символа централизованной власти, видны развалины Форума (Forum Romanum) – центральной площади, вокруг которой сооружались храмы, дворцы и прочие требуемые для властвования здания, их обилие представлено на туристической схеме в центре и на соответствующем снимке со спутника справа.

Для того чтобы рассмотреть строение клетки требуется такая иллюстрация. Тут

сразу надо заметить, что власть рассмотренные клетки не очень-то занимает – не до того среди важнейших дел. Ну слишком далеко ушли властители от того, когда они, все без исключения, начали свою жизнь с оплодотворенной яйцеклетки. Иначе говоря, изучение микроскопического строения это не то, что планирование грандиозных градостроительных сооружений – объектов макроэкономики. Однако вдруг «неожиданно» власть спохватывается, обнаружив свою уязвимость, например, от такого явно клеточного сюрприза – клонирования. Вот это самое клонирование пред-

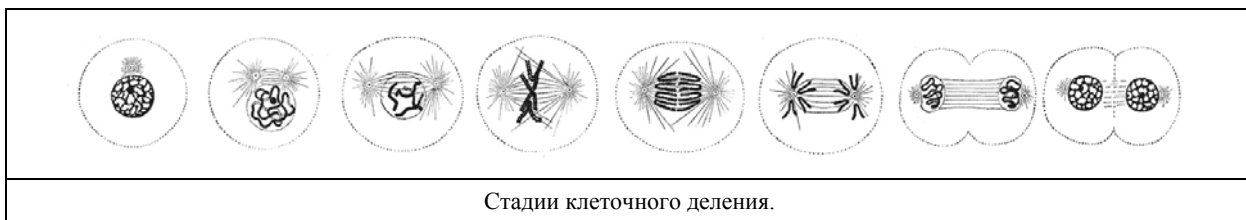
ставляет собой замену клеточного ядра (nucleus) яйцеклетки на другое – из клетки другого организма. Тем самым развивающийся из так «оплодотворенной» яйцеклетки организм оказывается генетически совпадающим с организмом, доставляющим ядро – клоном этого организма. Из опытов с клонированием получается, что геном – содержимое ядра – «генетическая мудрость» клетки может быть перенесена в другое место. Понятно, что такой перенос мудрости, хоть и клеточной, очевидно рассматривается властью как угроза. Ведь градостроительство – возведение объектов недвижимости, как уже говорилось, это стремление власти к своей незыблемости, невозможности каких бы-то ни было переносов. А иначе, зачем огород городить? Поэтому клонирование власть стремится взять под контроль или запретить совсем.

Казалось бы, клеточное ядро – вот оно сосредоточение внутриклеточной мудрости – генетической информации, а потому и внутриклеточной власти, что и вызывает беспокойство по поводу клонирования власти уже не клеточной. Но тогда клеточному ядру, как «органу власти», подобает находиться в центре клетки, откуда и осуществлять управление всем остальным внутриклеточным хозяйством. Разве не это диктует централизация власти и отвечающая ей городская планировка? Однако такой вывод никак не соответствует тому, что на самом деле наблюдается в клетке: клеточный центр называемый еще centrosoma (centrosome) находится вне ядра. Причем эта самая centrosoma, как видно на микрофотографии, как буд-

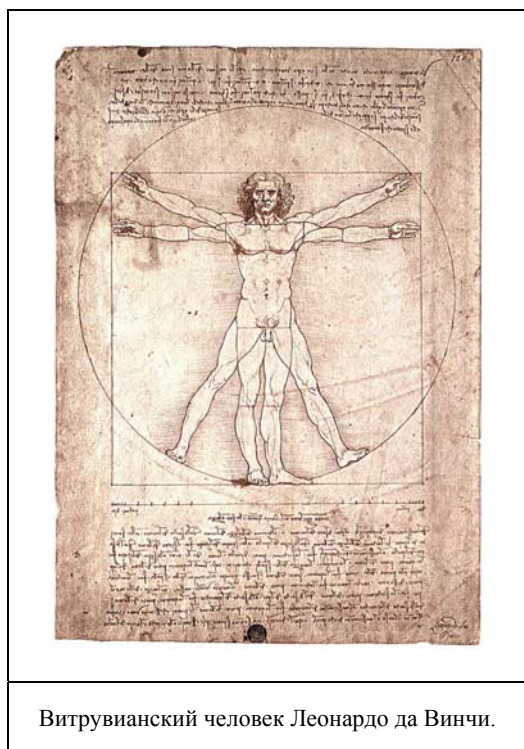

то в насмешку по своему строению совершенно непохожа на ядро, а скорее является его противоположностью с весьма примитивной структурой, не содержащей даже намека на какую бы-то ни было генетическую мудрость. А кроме того и в самом содержимом клеточного ядра не наблюдается какой-нибудь централизации – «высшего менеджмента» – выделяющееся там ядрышко (nucleolus) производит синтезирующие белок рибосомы (ribosomes), а это, понятно, совсем не общее руководство клеткой. Получается экое несоответствие или не получается соответствия градостроительной планировки и клеточного строения. Если город спланировать как клетку, то в центре окажутся не помпезные площади и дворцы властителей, а всеми забытый и брошенный пустырь, при этом для власти отводится место в весьма непретенциозных апартаментах на окраинах. Очевидно, что это разочарует непрременный градостроительный энтузиазм власти. А может просто игнорировать такое неудобное власти клеточное строение полагая, что то, что клеточное ядро не занимает центрального положения не отменяет же его главенствующую роль, ну а роль центросомы можно оставить без внимания. Разве мало того, что власть оставляет без своего внимания, полагая при этом, что все находится под ее неусыпным контролем? Тут, однако, наблюдения за клеткой превращают горечь разочарования от клеточного «градостроительства» прямо-таки в «йад» – оказывается, что вопреки «здравому смыслу» это центросома управляет клеточным ядром, причем на самой ответственной для жизни стадии – клеточного деления. Как хорошо видно на иллюстрации геном делящейся клетки после репликации полностью прекращает свою активность – упаковывается в хромосомы, размещением которых с помощью микротрубочек (microtubules) и управляет поделившая центросома.

Стадии клеточного деления.

Иначе говоря, центросома это орган размножения клетки – то, что решает, а точнее исключает демографическую проблему так сказать официально на клеточном уровне. Каково – самая ответственная процедура поручается самому безумному органу!

Витрувианский человек Леонардо да Винчи.

Обнаружив вопиющую безответственность внутриклеточной власти, можно еще попытаться рассмотреть уже многоклеточный организм – строение тела. Может быть в теле все как-то утрясется, станет на свои привычные для власти места? Действительно ведь как уже говорилось градостроительные проблемы, занимающие власть далеко не клеточные, но вот в представлении власти к телу весьма близкие. Разве не из-за беспокойства о своем теле властители окружают себя среди прочих телесных благ еще и телохранителями? Попытки использовать человеческое тело в качестве источника архитектурных канонов известны издревле. Например, знаменитый древнеримский архитектор Витрувий пытался из рассмотрения тела извлечь систему пропорций названную соответственно «Витрувианский человек», которого, возрождая античные исследования, изобразил да Винчи. Из современных последователей Витрувия можно назвать Корбюзье с его системой пропорций «Модульор». Разглядывая тело на предмет «архитектуры»,

очевидно, прежде всего, требуется понять, что же находится в центре – у власти, а что на периферии – в подчинении. И ... о ужас – в центре тела оказывается то, что отвечает за деторождение – гениталии и чрев, а не то что являетсяместилищем мудрости – головной мозг и его самые деятельные подчиненные – кончики пальцев, которые оказываются на самой периферии. Очевидно, что тело в своей «планировке» следует строению клетки, а не градостроительным предназначениям. Иначе говоря, центр тела и центр яйцеклетки совпадают, причем, хотя яйцеклетка и рождается сбоку – в яичнике, но затем ведь тельно перемещается в центр – в матку, где понятно происходит зачатие и вынашивание плода. Иное с клетками мозга – как хорошо известно, рождаясь в центре мозга, нервные клетки – нейроны, затем перемещаются на его периферию – кору, а там закрепляются на всю свою жизнь. Получается, что кора мозга, где и происходит разумная деятельность это прямая противоположность властной централизации – здесь нет какой-то нервной клетки-владельца, как яйцеклетки в матке, которой подчинены все остальные. Иначе говоря, голова – это самое неподходящее место для поисков царя! Но тогда, не уйти оттого, что как в клетке центросома управляет ядром, так и в теле половые органы управляют головой. Разве не это управление называется еще половое влечение, безумная страсть и потеря головы? И разве не эта вызываемая сексом потеря разума, приводит, как известно, к деторождению? Оказывается, что для деторождения, обязательно требуется подчинение не какому-то разумному властному центру, а сексуальным телесным отличиям женского и мужского. Очевидно, хотя именно это и принято скрывать, наибольшее половое отличие в строении именно половых органов. Иначе говоря, ни какие другие органы женщины и мужчины не зашли так далеко в своем отличии как половые – детородные. Как же это детородное отличие рассматривается властью, стремящейся, как известно, к демократическому устройству? Вот, например, чем отличаются заведомо телесно отличные женский и мужской голоса при подсчетах результатов выборов? Как это чем, да ничем они не могут отличаться, в этом смысл демократии – в равенстве всех «голосов»! Разве не в этом же беспристрастность – демократичность выборов власти? Получается, что стремление власти к демократии – к равенству голосов или даже равенству прав граждан-избирателей, как-то не стыкуется с детородными отличиями. Но тогда, разве отличие полов указывает на какое-то неравенство? Притом, что голоса на выборах равны, ведь требуется, чтобы числа этих голосов были обязательно неравны – чтобы кому-то досталась победа – приход к власти. Такое числовое неравенство представляется как демократический порядок – у кого число голосов больше – больше власти. Иначе говоря, власть соответствует наибольшему числу и не только, между прочим, голосов. Так что стремление к демократии это стремление к наибольшему числу – борьба за наибольшее число. По демократии, получив наибольшее число, получаешь наибольшее доверие – всенародную любовь, не так ли? Ну а безумное, страстное сексуальное влечение эта не всенародная любовь, как тут с холодным числовым расчетом «за» и «против», кто кого? Кто борется в деторождении, и кто побеждает? Может это сперматозоиды борются за яйцеклетку, но тогда это привилегия только мужского пола, что явно недемократично. Ну а представлять половое сношение как борьбу за власть между полами полная нелепица. Кто кого больше – если по телу, то конечности и голова у мужчины очевидно развитее, но вот детородные органы очевидно вместительнее у имеющей еще и органы вскармливания женщины, а иначе никакого сношения и быть не может.

Здесь уместен пример из жизни насекомых – у богомолов самка отгрызает голову самцу перед копуляцией (сношением), чтобы не мешала в столь ответственный момент. Вот как получается: анатомия тела явно никак не вписывается в демократическую идеологию централизованного возглавления (от «голова») и градостроительства, особенно в детородной, отвечающей за демографию организации (от «орган»).

На снимке слева хорошо видно как самка китайского богомола (*Tenodera aridifolia sinensis*) отгрызает самцу голову и передние лапы-захваты, а затем то, что осталось от самца копулирует с самкой – «всадник без головы» на снимке справа.

Но если клетка и тело выражают централизацию сексуального безумия, отводя информационно-мыслительную деятельность на периферию, то может быть в колонии тел все окажется как у власти наоборот. Действительно, ведь централизованная власть это

На снимке слева выделяется матка рыжего лесного муравья (*Formica rufa*) в окружении потомства и нянек, а на снимке справа оживленный обмен сведениями на краю муравейника.

властвование над людьми, а не над их клеточным или телесным строением, хотя, например, эксперименты с клонированием рассматриваются властью как повод для вмешательства. Теперь самое время заглянуть в колонию – муравейник, термитник, пчелиное или осиное гнездо. Разумеется, прежде всего, требуется понять, что там централизовано, а что находится на периферии. И вот очам предстает очередной крах централизации властной мудрости или триумф сексуального безумия. Как хорошо известно, в центре колонии насекомых рас-

полагается откладывающая яйца самка, которая называется матка и оплодотворяющий ее самец – их почему-то еще называют как властителей – царица и царь, королева и король. Вот как – даже слово не требуется менять: матка находится как в центре тела, так и в центре колонии, а все остальные особи колонии являются бесплодными – они занимаются сооружением и содержанием самого укрытия, а еще поисками и доставкой всего, что необходимо для питания, проживания и ухода за потомством. При этом матка, буквально лишаясь крыльев, на всю свою жизнь занимает центр колонии, даже если колония, как, например, у бродячих муравьев, подвижна. Очевидно, что интеллектуальная деятельность колонии находится на ее периферии, где, например, поиск пищи сопровождается передачей сведений о ее местонахождении с помощью танцев у пчел или запахов у муравьев, которые к тому же, как показывают наблюдения, обучают друг друга. И никакой властной централизации – какой-то выделенной руководящей особи, на периферии колонии нет и в помине. Получается, что колония это «организм», «клетками» которого являются тела составляющих колонию особей. При этом и в клетке и в теле и в колонии – везде в жизни нет никакой другого строения, а только универсальное – сексуальный центр и интеллектуальная периферия. Переход от клетки к телу, а от тела к колонии это эволюция – развитие, распространяющее универсальность от микростроения к макростроению. Таким образом, для централизованной власти, подчиняющей себе периферию в развитии жизни нет места, зато для усугубления всего смертоносного требуется именно такое извращающее жизнь градостроение. Разве для кого-то является секретом то, что более всего власть заботят секретные смертоносные орудия – орудия демократии? А откуда же еще взяться демографической проблеме?

Однако, поняв, что жизнь сексуально централизована и интеллектуально периферийна, ведь требуется еще понять почему это так? И почему если это так, то не может быть по-другому – почему это универсально? Вот сексуальное безумие – почему эта детородная страсть «отключает» мышление? В чем смысл такого подчинения – сексократии? Если цель сексократии в том, чтобы заставить родить и вырастить потомство, то кто такие эти самые дети? Очевидно, что дети это новые невиданные доселе организмы, но в чем их новизна – отличие от старого? Понятно, что дети это продолжение эволюционного развития, а потому они более развиты, чем их родители. Если, наоборот, дети будут менее развитыми или такими же как родители, то какое же это развитие? Получается, что для эволюционного развития требуется, чтобы нарождающееся новое было более развитыми, чем порождающее его старое – и другое невозможно!!! Но если новое более развито, то как же старое может его породить? Иначе говоря, может ли старое породить новое спланировав, спроектировав и соорудив его как город? Получается, что нет, потому что тогда новое оказывается во власти старого – более развитое в подчинении менее развитого. Но если так, то новое может породить только себя само, воспользовавшись для этого старым. Вот для чего и требуется эта самая сексократия – сексуальная страсть «отключающая», чтобы не мешало, мышление родителей, подчиняя их тела деторождению и детовращиванию. Тела родителей это только средство эволюционного развития и жизнь никогда не щадит их ради потомства. На самом деле сексуальное безумие это и есть подчинение более разумному – сексократии – власти более развитого, порождаемого над менее развитым порождающим, потому что всякое другое подчинение неразумно – ведет к смерти, к вымиранию – демографической проблеме! Понимают ли это все, а это уже почти все, находящиеся в подчинении централизованной власти – той, что «породили» «отцы» демократии. Как же эти почти все могут что-либо понимать, если они так заняты в своих центрах – политических, финансовых, разведывательных, информационных, образовательных, ...? Понимаете что находитесь в подчинении центра – чем этот центр так занимает – обеспечивает занятость? Как это чем – стремлением к наибольшему числу, которое и поставлено во главу – у кого число наибольшее – возглавляет центр власти – является его головой. Головой, а не половыми органами! Последние, а по демократии это и есть последние из органов, обязаны быть надежно спрятаны – защищены законами и обезопасены контрацептивами. Ну как, найдутся желающие продемонстрировать безрассудство своих половых органов в центре власти – в ее «органах»? Под объективами прессы, постоянно пекущейся о демократической открытости, ну если что-то приоткроется так сразу на экран или в печать, чтоб впредь неповадно было, а...? Кому надоела демократия, кто хочет испытать на себе власть справедливого, читай беспристрастного суда? Ведь там где демократия, там все решается по закону в суде, который приговаривает к справедливым числам и другого не дано, не так ли? Так что со всеми своими сексуальными, они же демографические, проблемами отправляйтесь в суд, благо здание судебного «органа» всегда легко найти в центре города, кишасщем вершителями правосудия. Это ли не запечатленное в камне торжество высших моральных принципов над низменной распущенностью плоти?

Поняв, что ни какого разумного обоснования для централизованной, а потому несовместимой с сексуальностью, власти нет, можно попытаться применить силу. Очевидно, там, где централизованная власть там и сила, для обоснования которой можно указать на то, что, дескать, и в природе не обходится без силы – ведь якобы там побеждают и властвуют сильнейшие. А сильнейшие демократически – набравшие на выборах наибольшее число голосов. И еще, разве не наличием силы обосновывается стремление централизованно сдерживать неприменную агрессивность людей? Ведь люди это же не звери, для которых убийство себе подобных это явление исключительное, люди же готовы убивать друг друга за что, где и когда угодно и если бы не сильная власть, то давно бы уже истребили себя, да? Как же понимать агрессивность к себе подобным? Прежде всего, очевидно, что это самое подобие есть способность к детородному сексу между разнополыми подобными. Так что агрессивность к себе подобному это сексуальное проявление. Например, в

муравейнике имеется четкое отличие между способной к сексу – фертильной маткой и неспособными – стерильными прочими особями, а потому агрессивность к себе подобным в муравейнике отсутствует, напротив, поражает та заботливость, с которой муравьи относятся друг к другу. Такая заботливость сопоставима разве что с клеточным «альтруизмом» в теле. Однако эволюция приводит к тому, что более развитыми оказываются не насекомые, а животные обязательно способные к сексу, а потому и к агрессии. Как же еще понять все эти «турниры» самцов за обладание самками? Неужели сексократия является источником агрессивного насилия, а демократия защитой от него слабых? Разве при голосовании наибольшее число голосов обязательно отвечает телесной силе и сексуальности? Почему это выборы оказываются уделом утративших детородность стариков, а молодые сексуалы не спешат сделать свой выбор, казалось бы, от которого зависит их будущее? И какую же власть получает победивший в «турнире» самец? Как хорошо известно, самец-победитель становится центром колонии, вокруг которого концентрируются самки, а прочие самцы оттесняются на периферию. Тем самым самец-победитель «занят» оплодотворением самок, обеспечивая их «занятость» вынашиванием и вскармливанием потомства, а прочие самцы «заняты» поисками чего-то полезного – развитием мозга. Такая вот полная «занятость». Оказывается, что сексуальная агрессия направлена именно на получение потомства и не на что другое, а самые сильные и агрессивные животные на самом деле являются не мудрыми властителями, а самыми подчиненными этому – самыми подвластными сексократии – власти нового над старым! Понятно, что если колония животных сооружает какое-нибудь укрытие, то это укрытие требуется именно для защиты потомства, находящегося в центре укрытия. Ну зачем же еще требуются животным укрытия как не для заботы о потомстве?

Узнав чем является сексократия животных, а растения, как известно, для своего опыления используют животных, так что сексократия абсолютно универсальна для всего живого, требуется через это рассмотреть демократию. Так что же такое демократия на самом деле? Итак, если в центре подчиненной сексократии колонии находится активность сексуальных – детородных органов, то в центре подчиненной демократии называемой еще «отечеством» страны – в столичном центре, находится активность главы власти – верховного главнокомандующего. Разве не изображение головы верховного главнокомандующего стремятся продемонстрировать повсеместно всеми возможными средствами – средствами массовой информации? А вот информация об активности половых органов верховного главнокомандующего это только повод для демократической процедуры отстранения от власти, а для чего же еще? При этом верховный главнокомандующий называется не иначе как «отец» нации, не так ли? И это при том, что само верховное главнокомандование это ни что иное, как посылание «детей отечества» на смерть, а куда же еще? Кого же, как не отдавших свою жизнь за «отечество» запечатлевают в камне, вслед за главнокомандующими, градостроители? Разве не в запустении казарм и только в этом видит власть демографическую проблему? Тут еще напрашивается такая аргументация: дескать, развитые демократии между собой не прибегают к убийственному насилию – войнам, что это уже в историческом прошлом становления демократии, а ныне сила применяется только к странам с неразвитой еще демократией – для ее развития. Однако, очевидно, такая аргументация не является универсальной – если в развитых демократиях не происходит военного убийственного насилия над телами, то из этого ни как не получается, что убийственного насилия нет применительно к клеткам, прежде всего, разумеется, половым! То убийство половых клеток, которое практикуют именно развитые демократии исторически беспрецедентно. А разве для детоубийства недостаточно убийства половых клеток? Кто-то полагает, что в развитых демократиях детородные органы перестают производить половые клетки, а если нет, то где же тогда дети? Почему это развитие демократии приводит к демографической проблеме – отсутствию детей? Ну «просто» в развитых демократиях ведь все заняты укреплением демократии – достижением наибольшего числа, а причем тут какие-то дети? Для деторождения требуется половая активность – половые отличия, непри-

годные для избирательной активности, да и дети – они же не избиратели, от них никакого числа голосов не прибавится. Ну какие избиратели из детей? Достижение развитой демократии это полное уничтожение сексократии – пола людей – извращение их в бесполом, а потому и бездетных избирателей. Даже сами слова «пол» и «секс» оказывается не теми – неполиткорректными и требуют замены! Так что демократия для свободы выбора не оставляет избирателям никакого выбора – их яйцеклетки и сперматозоиды неминуемо обречены на гибель. Обитателям городов ничего не остается, как спускать сперму и менструировать в канализацию – вот то место, которое отвела демократия зародышам их детей! Демократические идеалы, основанной на доверии к несуществующей в природе абстракции – наибольшему числу, централизованной власти, инспирировали развязывание самой убийственной – детоубийственной демократической войны против секса – войны против своих клеточных детей! Оружием этой войны являются города, куда ото всюду влекомые властью наибольшего числа устремляются все, через приучающее к высшему балу обязательное образование, извратившие в себе женщин и мужчин – родителей детей! Разве возможно большее сексуальное извращение, чем апофеоз демократии – избрание женщины верховным главнокомандующим?! До какой степени учености, образованности и цивилизованности надо дойти счастливым представителям развитых демократий, чтобы проминструировавшее всех своих детей дорвавшееся до верховного главнокомандования тело называть женщиной? Что ж, такие, добившиеся свободы выбора – полностью занятые властвованием над всем «женщины» – это именно то, что требуется для комфортабельного вымирания в оборудованных всеми телесными благами, за которые и убиваются половые клетки, городах – саркофагах демократии. Зачем подвергать свое тело мучительному деторождению, разве не достаточно старческого маразма? Вот тот свободный выбор демократии – гарантированный обеспечением наибольшими числами старческий маразм, закономерно побеждает рискованное необеспеченное наибольшими числами деторождение.

Помимо того, что города являются центрами детоубийства – орудиями демократии по искоренению сексократии, они же являются еще и центрами потребления разных ресурсов. Вот это потребление ресурсов всячески превозносится демократией, причем власть стремится доказать, что только демократия способна обеспечить потребителей всеми требуемыми ресурсами. Очевидно, что стремление к потреблению становится важнейшим в градостроительстве. Поэтому оказавшихся в городе на каждом шагу окружают разнообразные рекламные экраны, вывески, щиты и т.п. призывающие потреблять какие-то ресурсы через соответствующие градостроительные сооружения – павильоны, магазины, ларьки и т.п. Но почему это демократия так печется о потребителях ресурсов и при этом стремится пресечь деторождение? Разве не деторождение и дети требуют наибольшего потребления? Разве все живое не стремится все ресурсы предоставить, прежде всего, потомству? Как же демократия предоставляет ресурсы их потребителям? Оказывается, что для того чтобы демократия что-либо кому-либо предоставила, требуется чтобы демократия прежде получила за это предоставление наибольшее число, что и не удивительно. То наибольшее число, которое требует демократия за предоставление ресурсов не обязательно число голосов, а например, число денежных единиц – деньги. Иначе говоря, так называемое получение чего-то от демократии это не получение, а обмен – плата! Так что без денег потребителями не стать, за этим демократия следит особенно рьяно. Но откуда стремящиеся стать потребителями получают эти самые деньги? Деньги, как и все что касается наибольших чисел находится по властью демократии, а потому получать их можно только там. Но, как уже сказано, от демократии нельзя что-то получить, а требуется плата – что же требует демократия за деньги? Как это что требует власть – подчинения, чего же еще? Поэтому за то, чтобы стать потребителем ресурсов, требуется платить подчинением – отказом думать самим и рожать детей. Только так и другое при демократии невозможно! Вот как обеспечивает занятостью всех демократия, привлекая для этого наибольшее число – демократическое божество, самое могущественное из божеств! Всем остается только

принести в жертву демократическому божеству свою жизнь и жизни своих детей на орудьяемом для этого жертвеннике демократии – городе! То, что для демократии потребляемые ресурсы являются только приманкой, с помощью которой производится подчинение наибольшему числу очевидно, но как же тогда потребляет ресурсы не ведающая демократии жизнь? Самое поразительное, что живые существа потребляют ресурсы, абсолютно ничего не отдавая взамен – совершенно безвозмездно! Так, например, солнечное тепло и свет – разве что-то получает или требует взамен от потребителей своего тепла и света солнце? Разве между жизнью и требуемыми ей ресурсами имеется какая-то взаимовыгодная договоренность – идеал демократии? Кем является жизнь как потребитель ресурсов для демократии – самым преступным неплательщиком, который подлежит немедленному отключению от ресурсов и жесточайшему судебному преследованию. Но почему живые существа так недемократичны? Для понимания этого достаточно спросить, как происходит это самое потребление? Оказывается, что потребляемые жизнью ресурсы направляются на развитие – от родителей к потомству – потребление ресурсов починено сексократии, а потому не может быть другим. Как же взять требуемую за ресурсы плату как не отобрав их у потомства, а то и проще – лишив себя потомства? Иначе говоря, сексократия обеспечивает потребление ресурсов для развития, а развитие, как уже говорилось, это передача ресурсов от менее развитого к более развитому, а не обмен! Разве потомство порождается для того, чтобы получить взамен какую-то плату? О каком развитии может идти речь, если все что было, что называется, вложено требует возврата и больше того возврата с прибылью – возврата вспять? Но что такое этот насаждаемый демократией возврат вспять, как ни отказ от потомства – вымирание, демографическая проблема? Какую же мудрость надо иметь, чтобы орудие этого возврата – оборот денег сопоставлять необратимому – не могущему быть другим, а потому универсальному времени, утверждая, что время это деньги? Деньги это то, чем демократия пытается обратить время вспять, что, понятно невозможно, но так хотя бы достичь видимости остановки времени с помощью градостроительства – сооружения недвижимости. Из-за чего как не из-за этой самой недвижимости жертвуют своей и жизнью своих детей привлеченные демократией обитатели городов.

И в заключении, как пример к вышеизложенному, очевидно, что в вымирании Россия способна превзойти всех, для чего есть все возможности: традиционное стремление к централизации власти – пресловутой вере в царя-батюшку; готовность жертвовать жизнью за отечество – ну это банальность, запечатленная чуть ли не на каждом камне; огромные сырьевые ресурсы, известные еще как народные богатства; тяга к закреплению – сооружению городов-крепостей, форпостов Градорика; возобладавшее подчинение наибольшему числу – без указа верховного главнокомандующего о финансировании уже и детей не родить. Так что победа демократии обеспечена!

Для более подробного изучения затронутых в эссе вопросов, лучше всего пользоваться моей книгой "БОГ США".